

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Насколько обязателенъ авторитетъ церковныхъ каноновъ?

Исторія знаетъ мало примѣровъ такого всеобщаго единодушія, съ которымъ высказались русское общество и представители церкви за необходимость реформы церковной жизни въ Россіи. Почти столь же трогательное единодушіе обнаружилось повидимому и въ пониманіи самой сущности реформы. Какъ общество, такъ и духовенство, согласно полагаютъ ее въ возстановленіи *каноническаго строя* церковной жизни и въ частности церковнаго управленія. Согласіе это даетъ, повидимому, основаніе надѣяться, что реформа нашей церковной жизни, по крайней мѣрѣ, въ своей теоретической сторонѣ, не представитъ особенныхъ затрудненій и не вызоветъ какихъ либо серьезныхъ разногласій. Казалось бы, стоитъ лишь взять книгу Правилъ, перестроить по ней жизнь русской церкви, и мы получимъ идеально-каноническій церковный строй. Задача предстоящаго церковнаго собора такимъ образомъ совершенно проста. Здѣсь нѣтъ мѣста ни спорамъ, ни разсужденіямъ. Но увы, дѣло совсѣмъ не такъ легко и не такъ просто. При нѣкоторомъ углубленіи въ суть дѣла оказывается, что и при существованіи книги Правилъ каноническій строй церкви въ весьма значительной степени есть искомый иксъ.

Каноны древней церкви были не простыми логическими выводами изъ какого-либо основнаго, безусловно обязательнаго принципа, а лишь примѣненіями этого принципа къ условіямъ различнаго времени и мѣста. Возьмемъ, на примѣръ, запрещеніе христіанамъ вступать въ общеніе съ іуде-

ями (2-е пр. VI всел. соб.). Принципіальнымъ основаніемъ для него служила конечно идея превосходства христіанской вѣры надъ іудейской. Но вытекало ли изъ этой идеи съ логической необходимостью упомянутое запрещеніе? Конечно нѣтъ. Изъ нея съ одинаковымъ логическимъ правомъ можно извлечь два совершенно противоположныхъ наставленія—и избѣгать сношеній съ іудеями, и напротивъ искать этихъ сношеній. Первое для тѣхъ, которые даютъ основаніе сомнѣваться въ твердости ихъ вѣрованій, второе для тѣхъ, которые настолько окрѣпли въ вѣрѣ, что въ состояніи преподавать ее и другимъ. VI вселенскій соборъ, запрещая христіанамъ общеніе съ іудеями, очевидно имѣлъ въ виду первый случай.

Вполнѣ естественно, что различія въ характерѣ времени, націи, нравовъ и особенности политическаго устройства страны должны были вносить нѣкоторое разнообразіе и въ самые каноны. Разнообразіе это доходило до того, что одни каноны оказывались въ противорѣчьи съ другими, т. е. отмѣняли или замѣняли собою предшествующіе. Едва ли былъ хотя одинъ соборъ, который не вносилъ бы измѣненій въ церковную жизнь. И измѣненія эти касались иногда существенныхъ сторонъ въ жизни церкви. Напр. 5-е апостольское правило запрещаетъ епископу, пресвитеру и діакону изгонять жену свою „подъ видомъ благочестія“. Этимъ правиломъ совершенно ясно осуждается запрещеніе брачнаго состоянія изъ мотивовъ благочестія даже для епископа. Трулльскій соборъ, имѣя въ виду, что брачное состояніе епископа производитъ „претыканіе“ среди вѣрующихъ, выразилъ желаніе, чтобы въ будущемъ епископы по рукоположеніи своемъ оставляли сожительство съ женами. Это не значить конечно, что Трулльскій соборъ объявилъ неосновательнымъ правило апостольское по существу; онъ лишь призналъ его не отвѣчающимъ потребностямъ и воззрѣніямъ своего времени. Брачное состояніе не есть для него несовершенство, несомвѣстимое съ епископствомъ по существу и оскверняющее благодать хиротоніи, а лишь простое неудобство въ виду особенныхъ обстоятельствъ времени. Другіе примѣры. Соборъ Неокесарійскій, желая слѣдовать примѣру апостольскому, ограничилъ число діаконівъ въ городѣ семью. Трулльскій соборъ (прав. 16) нашелъ это неправильнымъ и неокесарійское правило от-

мѣнили. 48 правиломъ Кареагенскаго собора допускалось причащеніе въ великій четвергъ людьми *ядшими*. VI всел. соборъ въ 29 правилѣ говоритъ, что Кареагенскій соборъ можетъ быть по нѣкоторымъ мѣстнымъ причинамъ, полезнымъ для церкви, учинилъ такое распоряженіе, но въ настоящее время ничто не побуждаетъ оставлять въ этомъ дѣлѣ благоговѣйную строгость. Ап. Павелъ предписалъ избирать въ діаконысы вдовицу 60 лѣтъ; а 15 правило IV всел. собора назначило для діаконыссъ сорокалѣтній возрастъ. Въ объясненіе этой перемѣны Трулльскій соборъ говоритъ, что отцы Халкидонскаго собора позволили себѣ измѣнить апостольское указаніе потому, что было усмотрѣно, „яко церковь благодатію Божіею пріяла большую крѣпость и преспѣяніе, и вѣрны въ соблюденіи заповѣдей Божіихъ тверды и благонадежны“. Наша книга Правилъ въ примѣчаніи къ 37 апост. правилу признаетъ, что это правило „по особымъ причинамъ“ было отмѣнено I и VI вселенскими соборами.

Существуетъ не мало каноновъ, которые, не будучи отмѣнены соборами, оставлены однако практикой послѣдующаго времени, какъ излишніе и непримѣнимые. Двумя правилами Кареагенскаго собора 390 г. пресвитеру запрещается не только совершеніе мѣра, но и освященіе дѣвъ, открытое примиреніе кающихся съ церковью и примиреніе кающагося больного въ отсутствіи епископа и безъ его разрѣшенія (книга Правилъ 6 и 7 пр.). Эти правила въ настоящее время безусловно неисполнимы. 59 правило VI всел. собора запрещаетъ совершать крещеніе внѣ храма. 2 правило VI всел. собора, какъ мы уже упоминали, запрещаетъ всѣмъ христіанамъ „вступать въ содружество съ іудеями, ни въ болѣзняхъ призывать ихъ и врачество принимать ихъ, ни въ баняхъ купно съ ними мыться“. По 71^й пр. VI всел. собора изучающіе юриспруденцію не могутъ „одѣваться въ одежды, не находящіяся въ общемъ употребленіи“. Одно изъ правилъ Кареагенскаго собора (по книгѣ Правилъ—31) не позволяетъ лицамъ клира дарить что-либо изъ своего имущества тѣмъ, кои не суть православные христіане, а другое правило (по книгѣ Правилъ—92) повелѣваетъ предавать анаемѣ даже послѣ смерти того епископа, который назначить своими наслѣдниками сродниковъ еретиковъ или язычниковъ. Всѣ эти и подобныя правила имѣли своимъ поводомъ случайныя

условія и потому съ перемѣной условій естественно потеряли свою силу.

Итакъ каноны церкви не есть что - либо непреложное и обязательное на всѣ времена. Будучи приспособленіями къ условіямъ извѣстнаго времени и мѣста, а также ко взглядамъ современнаго общества, они измѣнялись и теряли силу не только по опредѣленію соборовъ церковныхъ, но и сами собой, въ силу церковной практики (какъ говорятъ—*tacito consensu*). Разсуждая о различной степени обязательности соборныхъ опредѣленій, м. Филаретъ писалъ: „если эти опредѣленія не суть непремѣнныя слѣдствія правилъ св. писанія, но только нѣкоторыя примѣненія оныхъ къ извѣстнымъ обстоятельствамъ, то таковыя опредѣленія подобно симъ обстоятельствамъ не суть неизмѣняемы и называются въ особенности правомъ церковнымъ, которое заимствуетъ свою силу не столько отъ божественной власти св. писанія, сколько отъ церковнаго согласія и постановленія“ (Собр. отв. и мн. т. 1, 163).

Ясно, что и остающіеся до сихъ поръ въ силѣ каноны могутъ быть измѣнены. Вполнѣ возможны даже новые каноны. Мало того, они необходимы, „если только не предположить невозможнаго: наступленія омертвѣнія жизнедѣятельности церкви, или же если допустить, что всѣ частныя церкви, всѣ возможныя церкви будущаго рѣшительно не могутъ и не будутъ имѣть никакихъ мѣстныхъ особенностей, требующихъ соотвѣтственнаго приспособленія“ (проф. Кипарисовъ). „Новые каноны, говоритъ проф. Кипарисовъ, были и будутъ не свидѣтельствомъ о произволѣ церкви, а выраженіемъ полноты ея жизни“. Каждая этнографическая, политическая, экономическая, географическая и другая какая-либо особенность въ жизни христіанскаго народа даетъ вполнѣ уважительное основаніе къ измѣненію древнихъ и къ созданію новыхъ каноновъ. И чѣмъ больше такихъ особенностей имѣетъ тотъ или другой народъ, тѣмъ своеобразнѣе и оригинальнѣе можетъ быть его церковный строй.

Естественно теперь возникаетъ вопросъ: гдѣ же предѣль измѣняемости каноновъ? Очевидно его нельзя полагать въ наличности извѣстнаго повелѣнія или запрещенія въ св. писаніи. Примѣръ апостольскаго предписанія: *мужъ аще власы раститъ, безчестіе ему есть* (1 Кор. II, 14—15), а также пра-

вило относительно возраста діакониссъ ясно показываютъ, что присутствіе извѣстнаго повелѣнія въ св. писаніи не служить признакомъ его неизмѣняемости. Такимъ признакомъ не можетъ быть также и принадлежность извѣстнаго канона къ опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ. Съ одной стороны правила помѣстныхъ соборовъ, одобренныя VI и VII всел. соборами, тѣмъ самымъ получили одинаковый авторитетъ съ правилами соборовъ вселенскихъ. Съ другой стороны условность такихъ правилъ вселенскихъ соборовъ, какъ напр., запрещеніе совершать крещеніе внѣ храма (59 пр. VI всел. соб.), требованіе опредѣленнаго образовательнаго ценза для епископа (2 пр. VII всел. соб.), запрещеніе епископу всенародно проповѣдывать въ городѣ, ему не принадлежащемъ (20 пр. VI всел. соб.), запрещеніе сношеній христіанъ съ іудеями (2 пр. VI всел. соб.), и под. очевидна сама собой. Остается признать, что единственный предѣлъ для измѣняемости канонъ ставятъ тѣ богооткровенныя истины, выраженіемъ и примѣненіями которыхъ служатъ каноны. Безусловно обязательны на всѣ времена и неизмѣняемы лишь тѣ каноны, которые стоятъ въ неразрывной связи, какъ слѣдствіе и причина, съ истинами вѣры и нравственности, данными въ св. писаніи. Всѣ прочіе каноны, несвязанные неразрывно съ догматическими истинами откровенія, могутъ подлежать измѣненію. Другими словами, каноны неизмѣнны постольку, поскольку служатъ исключительнымъ и единственно-возможнымъ выраженіемъ обязательныхъ для вѣрующихъ истинъ вѣры и нравственности; поскольку же они являются приспособленіями этихъ истинъ къ условіямъ времени и мѣста, они измѣняемы. „Мы обязаны, говоритъ проф. Павловъ, постоянно имѣть въ виду связь церковнаго права съ самымъ существомъ церкви, съ догматическими основаніями церковно-юридическихъ институтовъ. Эти основанія должны служить пробой для положительнаго права. Съ точки зрѣнія этихъ основаній открывається, что составляетъ существенное зерно каждаго церковно-юридическаго института, и что есть только внѣшняя его оболочка, измѣняющаяся со временемъ и не требующая одного постояннаго и твердаго вида. Такой историческій и вмѣстѣ раціональный методъ ясно покажетъ намъ, что слѣдуетъ признавать въ правѣ церкви существеннымъ и неизмѣннымъ и что — случайнымъ и не-

существеннымъ, и какъ далеко можно итти въ церковныхъ преобразованіяхъ, не касаясь существа церкви и не колебля основаній ея права“. Въ этомъ же смыслѣ проф. Кипарисовъ различаетъ въ канонахъ два элемента, одинъ—„догматическій“, неизмѣняемый, другой—„историческій“, измѣняемый. Послѣ всего сказаннаго понятно, что не могутъ подлежать измѣненію каноны, утверждающіе напр. три степени священства. Не можетъ быть создано такого канона, который объявилъ бы безразличнымъ для священнослужителя сохраненіе и нарушеніе цѣломудрія. Напротивъ, другіе каноны о священствѣ, не связанные обязательно съ истинами вѣры и нравственности, какъ напр. объ обязательности брака и безбрачія, могутъ подвергаться измѣненію. Брачное или безбрачное состояніе для священнослужителя съ нравственной точки зрѣнія безразлично. Различіе между тѣмъ и другимъ устанавливается сравнительнымъ удобствомъ ихъ для даннаго времени. Поэтому Трулльскій соборъ, запретивъ брачное состояніе для епископа, не шелъ въ разрѣзъ съ истинами откровенія. Это было бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы онъ призналъ бракъ оскорбляющимъ благодать священства. Отсюда ясно однако, что правило Трулльскаго собора не исключаетъ права церкви снова перерѣшить вопросъ въ пользу возвращенія къ 5 апостольскому правилу. „Иначе оказалось бы, говорить проф. Кипарисовъ, будто церковь когда-нибудь раздѣляетъ ту неправильную точку зрѣнія на бракъ, которая вызвала 5 апостольское правило, или что порядокъ древній (брачное состояніе епископовъ) былъ какимъ то порядкомъ ошибочнымъ, если не прямо ложнымъ и погибельнымъ, что истинныя свойства лицъ епископскаго сана какъ будто были не поняты древнею церковью, и что ея пониманіе, допускавшее возможность такого порядка, было противно тѣмъ основнымъ требованіямъ отъ лицъ епископскаго сана, которыя ясно выражены въ писаніи..., словомъ, еслибы съ появленіемъ 12 правила Трулльскаго собора считать этотъ вопросъ снова ни при какихъ условіяхъ уже не перерѣшаемымъ, потребовалось бы признать множество такихъ положеній, которыя будутъ несогласны съ дѣйствительно неизмѣнными началами жизни церкви“.

Послѣ всего сказаннаго едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что обновленіе нашей церковной жизни ни въ

какомъ случаѣ не можетъ состоять въ простомъ механическомъ возстановленіи всѣхъ древнихъ канонѣвъ, упорядочивающихъ церковный строй. Такое воспроизведеніе древнихъ церковныхъ порядковъ отнюдь необязательно для частной церкви, отдѣленной отъ древней церкви болѣе чѣмъ тысячелѣтнимъ промежуткомъ и существующей въ совершенно иныхъ условіяхъ. Оно можетъ быть и бесполезнымъ, такъ какъ многія отжившія формы въ настоящее время не могутъ имѣть прежняго воспитательнаго значенія и вмѣсто пользы могутъ принести вредъ. Можетъ показаться, что мы сказали черезчуръ много. Но это такъ. Изучая исторію происхожденія канонѣвъ, мы замѣчаемъ, что они были иногда такой уступкой человѣческой слабости или требованіямъ своего времени, которая являлась какъ бы уклоненіемъ отъ нормы, удаленіемъ отъ идеальнаго порядка вещей. Таково напр. запрещеніе христіанамъ вступать въ содружество съ іудеями. Развѣ здѣсь нѣтъ нѣкотораго уклоненія отъ евангельскаго идеала любви? 31 правило каре. собора запрещаетъ епископу и клирику дарить изъ своихъ вещей тѣмъ, кои не суть православные христіане. Развѣ нѣтъ здѣсь нѣкотораго суженія заповѣди Христа—оказывать помощь всѣмъ нуждающимся, какой бы вѣры и національности они ни были? Такую же уступку человѣческой слабости представляетъ собой и 12 правило Трулльскаго собора. Современники этого собора, проникнутые аскетическими взглядами, гнушались женатыхъ священнослужителей и избѣгали принимать отъ нихъ евхаристію. Само духовенство поддерживало отчасти это заблужденіе. Евстацій епископъ севастійскій приказывалъ, напр., какъ отъ грѣха, удаляться отъ благословенія (евхаристіи) и общенія съ женатымъ священникомъ, хотя бы онъ всушилъ въ бракъ, по закону, до принятія сана. Такой взглядъ былъ осужденъ 5 апост. правиломъ и Гангрскимъ соборомъ. Но Трулльскій соборъ призналъ необходимымъ сдѣлать уступку этимъ неправильнымъ возрѣніямъ на бракъ и запретилъ бракъ для епископовъ. Еще примѣръ. Въ древней церкви въ избраніи епископовъ принималъ участіе весь народъ. Но съ теченіемъ времени стали происходить злоупотребленія, виновниками которыхъ былъ столько же народъ, сколько само духовенство и кандидаты на священство. Это дало поводъ собору Лаодикійскому (13 прав.) устранить чернѣ

отъ участія въ выборѣ кандидатовъ священства. Здѣсь историческія обстоятельства вызвали лишеніе народа правъ, принадлежащихъ ему, какъ части церкви Христовой. Мѣра эта, для своего времени цѣлесообразная, тѣмъ не менѣе представляетъ собою уклоненіе отъ нормальнаго порядка. И вообще „законодательство церковное, говоритъ профессоръ Лебедевъ, держалось мудраго правила: оно санкціонировало, что вошло въ практику церковную, что создалось теченіемъ исторіи“. Но поступая такъ, церковь вынуждена была допускать въ своемъ жизненномъ строѣ нѣкоторое *несовершенство* по причинѣ жестокости какъ своихъ членовъ, такъ и своихъ представителей. Повторять безъ настоятельной нужды это несовершенство строя и теперь—конечно нецѣлесообразно. Церковь всегда должна стремиться къ болѣе совершенному устроенію своей внутренней и внѣшней жизни. Слѣдовательно, прежде чѣмъ возстановлять древніе каноны въ жизни русской церкви, слѣдуетъ подвергнуть ихъ тщательному пересмотру, выдѣлить тѣ изъ нихъ, которые служатъ выраженіемъ положительныхъ, обязательныхъ нормъ и идеальнаго церковнаго порядка, изъ ряда каноновъ, явившихся, какъ дань своему времени, какъ санкція обычаевъ, сложившихся благодаря случайнымъ, иногда печальнымъ историческимъ обстоятельствамъ. Но что же есть въ канонахъ существеннаго и неизмѣннаго, и что—случайнаго и историческаго; что составляетъ въ нихъ обязательную для всѣхъ временъ первооснову, и что—временныя, историческія наслоенія? Объ этомъ мы скажемъ въ другой разъ.

Докладъ св. синода и предложеніе синодальнаго оберъ-прокурора.

Мы должны быть очень благодарны случаю, вызвавшему обнародованіе двухъ весьма важныхъ оффиціальныхъ документовъ въ 45 номерѣ *Церковныхъ Вѣдомостей*. До сихъ поръ дѣло церковной реформы, какъ оно было понято и ведено нашею центральной духовною властью, хранилось въ глубокой тайнѣ. Если общества и печати достигали слухи, разоблачавшіе эту тайну, то лишь контрабанднымъ путемъ, лишавшимъ возможности какой бы то ни было ихъ повѣрки. Тайнственность эта въ свое время вызвала въ церкви глубокое недовольство. Говорили, что св. синодъ поступаетъ

такъ, какъ еслибы онъ, подобно древнимъ христіанамъ, творилъ дѣло возвращенія церкви Христовой среди злыхъ враговъ христіанства, подѣ постоянною опасностью всякихъ насилій и преслѣдованій. Разница была лишь въ томъ, что на мѣстѣ враговъ церкви здѣсь оказывалась сама церковь.

Но если насъ радуетъ обнародованіе документовъ, то не радуетъ содержаніе ихъ, и прежде всего содержаніе всеподданнѣйшаго доклада св. синода. Когда первые слухи объ этомъ докладѣ привели въ смущеніе многихъ вѣрныхъ сыновъ церкви, преосвященный Исидоръ выступилъ съ успокоительною рѣчью, говоря, что обнародованіе доклада разсѣетъ всѣ недоразумѣнія и покажетъ, на какой высотѣ церковнаго пониманія стояли наши архипастыри. Теперь, когда мы узнали въ подлинномъ видѣ всеподданнѣйшій докладъ, стало ясно, что преосв. Исидоръ или самъ не зналъ его, или плохо понималъ то, что именно смущало въ немъ общество и печать.

Хотя докладъ говорить о преобразованіи церковнаго управленія въ Россіи „на соборномъ началѣ“, „на началѣ каноническаго соборнаго управленія“, но соборность понимается имъ въ своеобразномъ смыслѣ, не какъ участіе въ управленіи всей соборной церкви, а какъ управленіе собраніемъ епископовъ. Говоря о полной автономіи церкви въ церковныхъ дѣлахъ и о правахъ епископовъ, митрополитовъ и патріарха, онъ ни однимъ словомъ не говоритъ о правахъ мірянъ и клира. Испрашивая у Государя разрѣшеніе на созваніе собора, онъ вездѣ говоритъ о „соборѣ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ православной россійской церкви или представителей оныхъ“, и ни однимъ словомъ не упоминаетъ о присутствіи на соборѣ представителей отъ мірянъ и клира. Въ свое время справедливо замѣчали на то, что если можно еще говорить о соборѣ епископовъ, какъ соборѣ церкви, то развѣ только въ томъ случаѣ, когда эти епископы являются представителями и избранниками народа и низшаго духовенства; соборъ же нашихъ епископовъ, въ избраніи которыхъ церковь не принимала ни малѣйшаго участія, будетъ простымъ съѣздомъ епископовъ и, какъ таковой, не будетъ имѣть для церкви нравственнаго авторитета. Наконецъ, подтвердился слухъ и о томъ, что св. синодъ ходатайствовалъ

не только о созваніи собора, но и о „возглавленіи будущаго синода чести ради російскаго государства патріархомъ со всѣми каноническими полномочіями областного митрополита“. Такимъ образомъ св. синодъ въ собраніи очень небольшого числа епископовъ предрѣшилъ важнѣйшій вопросъ по преобразованію церковнаго строя въ Россіи.

Теперь по обнародованіи доклада резолюція Государя получаетъ особенно глубокой смыслъ. Въмѣсто „собора изъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ“, резолюція говоритъ о „соборѣ всероссійской церкви“, она совершенно умалчиваетъ о патріаршествѣ, считая очевидно вопросъ о немъ открытымъ, и наконецъ расширяетъ задачи собора, кромѣ вопросовъ церковнаго управленія предоставляя его обсужденію и „предметы вѣры“.

Что касается другого документа, предложенія синодальнаго оберъ-прокурора, то онъ, будучи своеобразнымъ комментариемъ къ всеподданнѣйшему докладу, своей постановкой вопросовъ обнаружилъ въ авторѣ его такой взглядъ на сущность церковной реформы, который мало обѣщалъ истиннаго обновленія для нашей церкви.

Въ тотъ промежутокъ времени, который прошелъ между ходатайствомъ св. синода и предложеніемъ г. оберъ-прокурора, общество и печать настолько основательно выяснили необходимость участія мірянъ и клира на соборѣ, что едва ли являлась какая-либо возможность говорить о соборѣ епископовъ безъ риска заранѣе дискредитировать его авторитетъ. Вотъ почему въ „предложеніи“ мы находимъ уже рѣчь объ участіи на соборѣ представителей мірянъ и духовенства. Однако это участіе допускается здѣсь условно, „еслибы таковое признано было необходимымъ“. Не совсѣмъ понятно, кто же собственно призванъ рѣшить этотъ вопросъ. Если тѣ епископы, на обсужденіе которыхъ направлено предложеніе оберъ-прокурора, то это было бы во всякомъ случаѣ одностороннимъ рѣшеніемъ вопроса. Не естественнѣ ли предоставить право его рѣшенія въ утвердительномъ смыслѣ самой же государственной власти? Послѣдняя, смотря на себя, какъ на выразительницу народной воли, узурпировала церковныя права мірянъ. Съ возвращеніемъ политическихъ правъ самому народу, правительство должно вернуть ему, какъ законному собственнику, и его церковныя права. Даже

К. П. Побѣдоносцевъ въ своемъ Московскомъ Сборникѣ признавалъ, что право избранія епископовъ и подобныя церковныя права, которымъ пользуется до сихъ поръ государство, есть не его право, а право клира и мірянъ, и что это право должно быть возвращено мірянамъ и клиру, какъ только государство захочетъ отказаться отъ него. Въ прекрасной статьѣ „Церковное вѣдомство и церковный соборъ“ (*Русь* за 13 и 14 окт.), отмѣтивъ всю антицерковность и антиканоничность секретнаго въ то время („распубликованію не подлежащаго“) предложенія оберъ-прокурора, группа петербургскихъ священниковъ считаетъ компетентною рѣшить поставленный выше вопросъ лишь саму Церковь, какъ имѣющую болѣе высшій авторитетъ, чѣмъ соборъ. Это совершенно справедливо. Но обратиться къ церкви съ вопросомъ о составѣ собора не значитъ ли собственно совершенно правильно рѣшить самый вопросъ? Кто же сдѣлаетъ это? Не обяzano ли это сдѣлать прежде всего само правительство?

„Не отрицая существованія и поднесъ особливыхъ задачъ, подлежащихъ церковному управленію въ разныхъ территорияхъ имперіи и служащихъ жизненнымъ основаніемъ къ установленію областныхъ или окружныхъ автономій“, предложеніе оберъ-прокурора совѣтуетъ прежде всего (!) тщательно обсудить, не будутъ ли эти автономіи находится въ противорѣчій съ началами государственнаго единства, способствуя возрожденію идеи о культурной и политической обособленности нашихъ окраинъ въ западномъ краѣ и на кавказѣ. Слишкомъ очевидно, что эти строки продиктованы были отнюдь не церковнымъ христіанскимъ сознаніемъ, а чисто политическими соображеніями. Авторъ даже и теперь не можетъ еще отрѣшиться отъ взгляда на церковь, какъ на орудіе для осуществленія государственныхъ цѣлей.

Говоря о реформѣ органовъ епархіальнаго управленія „согласно съ каноническими соборными началами“, оберъ-прокуроръ ставитъ вопросъ „объ организаціи такого дѣйствительнаго епархіальнаго органа епископской“ власти, который объединялъ бы въ своемъ вѣдѣніи всю область епархіальнаго управленія“. Что необходимо кореннымъ образомъ реформировать наши консисторіи и внутренне объединить всѣ отрасли епархіальнаго управленія, это безспорно. Но было бы большою ошибкою смотрѣть на новый органъ епархіальнаго

Управления, какъ на органъ *епископской власти* и въ подчиненіи его епископу видѣть залогъ его единства. Соборно-каноническія начала требуютъ, чтобы новое учрежденіе было органомъ не епископской власти, а всей епархіи, подобно тому, какъ и приходскій совѣтъ изъ представителей мірянъ подъ предсѣдательствомъ священника долженъ быть органомъ не пресвитерской власти, а власти всего прихода.

Лишь благодаря неправильному представленію о соборномъ епархіальномъ управленіи явился въ предложеніи оберъ-прокурора особый вопросъ объ епархіальныхъ сѣздахъ, объ „установленіи на основаніи опыта опредѣленныхъ границъ для ихъ дѣятельности и указанія имъ надлежащаго мѣста и значенія въ ряду епархіальныхъ учреждений“. Епархіальные сѣзды, состоящіе изъ депутатовъ духовенства и выборныхъ мірянъ подъ предсѣдательствомъ епископа должны быть не однимъ изъ епархіальныхъ учреждений, а тѣмъ высшимъ епархіальнымъ органомъ, своего рода епархіальнымъ соборомъ, который вѣдаетъ всѣ важнѣйшіе вопросы, касающіеся епархіи, и стоитъ во главѣ всевозможныхъ епархіальныхъ учреждений. Для рѣшенія текущихъ дѣлъ епархіальный сѣздъ долженъ выдѣлить изъ себя нѣсколькихъ членовъ изъ духовенства и мірянъ, который подъ предсѣдательствомъ епископа или его представителя составлялъ бы собою постоянный епархіальный органъ. Только такая организація епархіальнаго управленія и можетъ соответствовать соборно каноническимъ началамъ.

Касаясь вопроса о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, авторъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ недостатки ихъ и при томъ съ удивительнымъ безпристрастіемъ, какъ будто рѣчь идетъ о вещахъ, совершенно отъ воли г. оберъ-прокурора независимыхъ; таково указаніе на „постоянную, особенно въ послѣднее время, перемѣну начальствующихъ лицъ, для которыхъ учебная служба стала какъ бы этапомъ на пути къ дальнѣйшему служебному повышенію“. Но рецептъ для устраненія всѣхъ золъ, намѣчаемый авторомъ, именно учрежденіе богословскихъ училищъ съ сокращеннымъ общеобразовательнымъ курсомъ съ доступомъ въ нихъ учениковъ церковно-приходскихъ школъ, скорѣе годенъ для приготовленія хорошихъ пономарей, чѣмъ просвѣщенныхъ пастырей.

Что касается, наконецъ, желанія оберъ-прокурора „предва-

рительно установить, могут ли и въ какомъ порядкѣ быть возбуждаемы“ и другіе вопросы на соборѣ, то совершенно справедливо группа п-скихъ священниковъ удивляется странному мнѣнію, будто нашъ синодъ можетъ дѣлать какія бы то ни было предписанія и ограниченія будущему помѣстному собору всероссійской церкви. Странное желаніе оберъ-прокурора имѣеть значеніе лишь для характеристики отживающихъ церковныхъ порядковъ.

Заслушавъ предложеніе г. оберъ-прокурора, св. синодъ указомъ 27 іюля „поручилъ епархіальнымъ преосвященнымъ войти въ сужденіе по означеннымъ въ этомъ предложеніи вопросамъ, предоставивъ въ помощь себѣ по разработкѣ означенныхъ вопросовъ пригласить лицъ, заслуживающихъ довѣрія и способныхъ оказать въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе“. Какъ видно, св. синодъ не признаетъ за епископами полной компетенціи въ вопросѣ о церковной реформѣ и рекомендуетъ имъ помощь мірянъ и духовенства. Но если епископы не компетентны въ предварительномъ обсужденіи вопросовъ, то могутъ ли быть они вполне компетентны въ ихъ окончательномъ рѣшеніи, и не почувствуется ли ими самими настоятельная нужда въ живомъ присутствіи помощниковъ не только на предварительныхъ совѣщаніяхъ, но и на соборѣ? Простая послѣдовательность даетъ основаніе надѣяться, что самъ св. синодъ не откажется отъ помощи лицъ, облеченныхъ довѣріемъ церкви, т. е. клира и народа.

Св. Синодъ о семинарскихъ нестроеніяхъ.

Въ опредѣленіи св. синода по поводу семинарскихъ нестроеній (см. № 46 *Церковныхъ Вѣдомостей*) констатируются четыре факта: дѣйствительные недостатки семинарскаго строя, семинарскія нестроенія, общія волненія учащейся молодежи и заботы духовной власти о реформированіи семинарій. При этомъ факты эти располагаются въ такой причинной связи: семинарскія нестроенія вызваны общими волненіями учащейся молодежи, а заботы духовной власти вызваны дѣйствительными недостатками семинарскаго строя. Указывается здѣсь и другая причина семинарскихъ волненій въ неосвѣдомленности семинаристовъ съ положеніемъ вопроса о семинарской реформѣ въ центральномъ управленіи. Само собою разумѣется, что вина за семинарскіе без-

порядки, поскольку они зависѣли отъ этой именно причины, не можетъ падаѣ на семинаристовъ. Приводя въ извѣстность ходъ и предварительные результаты преобразовательныхъ работъ, св. синодъ выражаетъ надежду, что семинаристы отнесутся съ признательностью къ заботамъ высшей духовной власти и приступятъ къ занятіямъ.

Ходъ преобразовательныхъ работъ представляется въ такомъ видѣ. Въ самомъ началѣ 1896 года была учреждена при св. синодѣ особая комиссія для улучшенія постановки учебнаго дѣла въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ. Черезъ 4 года опредѣленіемъ св. синода отъ ^{15 дек. 1899 г.} _{12 марта 1900 г.} заключенія комиссіи были переданы въ Учебный Комитетъ съ тѣмъ, чтобы онъ на вновь выработанныхъ основаніяхъ, при участіи извѣстныхъ своею опытностью семинарскихъ и училищныхъ преподавателей, составилъ новыя программы курсовъ. Исполняя это порученіе, Учебный Комитетъ чрезъ 1 годъ и 5—7 мѣсяцевъ, именно въ августѣ 1901 года, вызвалъ преподавателей. Въ теченіе одного мѣсяца къ 1 сентября того же года образованная изъ преподавателей и профессоровъ комиссія закончила свои занятія и представила въ Учебный Комитетъ проекты новыхъ программъ и объяснительныхъ записокъ. Эти проекты были подвергнуты Учебнымъ Комитетомъ новой переработкѣ, на что потребовалось болѣе четырехъ лѣтъ. Теперь Учебный Комитетъ закончилъ свои работы и обнародовалъ въ № 46 *Церк. Вѣд.* существенныя черты новыхъ программъ. Какъ видно, при всей заботливости высшей духовной власти о духовной школѣ, Учебный Комитетъ не слишкомъ утомлялъ себя преобразовательной работой.

Что касается новыхъ программъ, то мы скажемъ о нихъ по ознакомленіи съ обѣщанными въ 47 № *Церк. Вѣд.* особыми мнѣніями прот. Титова и Тихомирова.

Церковно-приходскія собранія и совѣты.

Въ одномъ изъ ноябрьскихъ постановленій Св. Синодъ, предваряя окончательное учрежденіе прихода—общины „на твердомъ законѣ“, предлагаетъ настоятелямъ церквей, съ цѣлью тѣснѣйшаго объединенія прихожанъ съ пастыремъ по возможности во всѣхъ областяхъ церковной жизни,—со-

зывать теперь же общія церковно-приходскія собранія изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ прихожанъ и изъ состава, этихъ собраній и по ихъ избранію учреждать для ближайшаго осуществленія задачъ приходской жизни постоянно дѣйствующіе церковно-приходскіе совѣты подъ предсѣдательствомъ настоятелей.

Нѣтъ сомнѣнія, что полное возстановленіе прихода возможно лишь въ связи съ общей реформой церковной жизни и управленія. И было бы странно требовать отъ изданныхъ теперь временныхъ правилъ полнаго и послѣдовательнаго проведенія положеннаго въ основу ихъ принципа соборности. Вполнѣ естественными поэтому является въ нихъ нѣкоторая недоговоренность и невыдержанность этого принципа. Такъ приглашеніе церковно-приходскаго совѣта къ участию въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ ставится здѣсь въ зависимость отъ воли причта и старосты (п. 4); и вообще юридическія права совѣта не указаны. Учрежденіе собраній и совѣтовъ по правиламъ не должно соединяться съ нарушеніемъ установленнаго церковнаго строя (какого именно?) и не обязательно при наличности братствъ, церковныхъ совѣтовъ и попечительствъ, если не будутъ просить объ этомъ сами прихожане (п. 3). Не смотря однако на всѣ эти ограниченія и въ виду предоставленія самимъ собраніямъ права вырабатывать подробности въ устроеніи новыхъ формъ церковно-приходской жизни (п. 6), учрежденіе церковно-приходскихъ собраній и совѣтовъ является первымъ желательнымъ шагомъ въ осуществленіи начала соборности и потому должно встрѣтить среди духовенства самое живое сочувствіе.

Мы понимаемъ однако всю трудность возлагаемой на духовенство задачи—оживить церковную жизнь прихода, войти въ тѣснѣйшее единеніе съ прихожанами. Въ тысячу разъ легче написать, чѣмъ сдѣлать. А между тѣмъ у насъ съ давнихъ поръ водворился такой порядокъ: епископы пишутъ, а священники дѣлаютъ. Въ оживленіи церковно-приходской жизни св. синодъ возлагаетъ особенную надежду на „сердечное и настойчивое попеченіе епархіальной власти“. Мы не знаемъ, чѣмъ могутъ тутъ помочь духовенству наши епископы. Разныя предписанія, циркуляры, распоряженія конечно ужъ не помощь. Единственно чѣмъ дѣйствительно

могли бы они помочь духовенству, это—показать на собственномъ примѣрѣ, какъ слѣдуетъ вести дѣло въ данномъ случаѣ. Для этой цѣли епископы должны были бы сами созывать собранія изъ своихъ пасомыхъ и попробовать войти съ ними въ живую связь при условіи полной свободы мнѣній и слова. Но не думаемъ, чтобы среди епископовъ нашлось много охотниковъ на это. Собственно говоря, обязанности по объединенію съ прихожанами св. синодъ долженъ былъ бы одинаково возложить и на епископовъ, и на священниковъ. Но мы такъ привыкли къ вышеупомянутому порядку, что этотъ пробѣлъ какъ то и не удивляетъ, какъ будто у епископа нѣтъ собственной паствы.

Трудность предстоящаго духовенству дѣла крайне осложняется обстоятельствами переживаемаго нами многозначительнаго времени, когда не остается, кажется, ни одного уголка въ русской жизни, гдѣ не рухнулъ бы старый порядокъ, не создавъ еще новаго. Нашъ крестьянинъ не остался внѣ теченія. У него заворошились новыя мысли, народились новыя интересы. Старые способы воздѣйствія на него теперь уже не дѣйствительны. Пастырю, который захотѣлъ бы теперь привязать къ себѣ свою паству, слѣдуетъ оставить на время свой міръ, свои интересы и идеалы, оставить на время свои рѣчи о храмѣ, молитвѣ, забыть временно библейскіе тексты и святыхъ отцовъ, не думать пока объ урокахъ и назидаціяхъ. Онъ долженъ не учить, а еще учиться; онъ долженъ перенестись въ крестьянскую обстановку, перечувствовать всю страдность мужицкой жизни, мысленно пережить все его грѣхи: и только тогда онъ близокъ къ побѣдѣ. Но и это не все. Крестьянинъ не повѣритъ одному доброму слову. Онъ скажетъ въ душѣ: у попа двѣ коровы, а у моихъ больныхъ дѣтей ни одной; у попа хлѣба въ волю, а у меня его нѣтъ; и я же ему плати. Священникъ самъ видитъ и въ душѣ чувствуетъ, что онъ обязанъ раздѣлить съ крестьяниномъ его нищету, его голодь. А какъ же семья, дѣти? Объединеніе безъ жертвы не возможно. Любовь безъ подвига пустое слово.

Да, мы знаемъ, какъ тяжела задача духовенства. Но знаютъ ли это тамъ вверху? А если знаютъ, то не должны ли и они раздѣлить съ нимъ подвигъ?

Свобода пастырскихъ собраній.

Со всею признательностью слѣдуетъ отнести къ разрѣшенію св. синода устраивать пастырскія собранія. Послѣднія не были запрещены и прежде. Но нашему забитому, безправному, всегда подъ страхомъ живущему духовенству необходима была ясно выраженная воля синода, чтобы съ легкимъ сердцемъ, безъ боязни, какъ бы кто не подслушалъ и не донесъ, хотя бы анонимно (къ великому прискорбію, анонимы и теперь еще въ большомъ ходу у нѣкоторыхъ архипастырей), собираться въ кружки и думать сообща по наболѣвшимъ, а иногда и грознымъ, вопросамъ.

Но тѣмъ удивительнѣе, тѣмъ непонятнѣе отказъ нѣкоторыхъ іерарховъ, напр. московскаго, въ созваніи епархіальныхъ съѣздовъ. Мы положительно отказываемся хотя бы приблизительно исчерпать то великое зло для духовенства и даже для церкви, какое является неминуемымъ слѣдствіемъ этого отказа. Священники—горожане (говоримъ о москвичахъ) еще могутъ обойтись безъ съѣзда, удовлетворяя своими потребностямъ общенія на собраніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія. Собранія эти, умѣло руководимы предсѣдателемъ протоіереемъ Н. И. Боголюбскимъ и его товарищемъ свящ. Н. Г. Поповымъ, при дѣятельномъ участіи многихъ передовыхъ священниковъ и семинарскихъ преподавателей, съ конца этого года стали отвѣчать на самые живые запросы времени. Здѣсь дѣлаются ученые доклады по вопросамъ о церковной реформѣ, обсуждается практическая сторона предстоящихъ преобразованій, и происходитъ обменъ мнѣній по текущимъ дѣламъ епархіальной жизни. При всемъ томъ, состоя почти исключительно изъ городскихъ священниковъ, собранія о. л. д. пр. не въ силахъ, разумѣется, проникнуться интересами сельскаго духовенства, стать на его точку зрѣнія и указать ему выходъ изъ крайне тяжелаго теперешняго его положенія. На собраніи 22 ноября была прочитана записка нѣсколькихъ (кажется 5) сельскихъ священниковъ, въ которой они просятъ собраніе придти имъ на помощь въ виду обостряющихся отношеній между ними и стоящими подъ вліяніемъ крайнихъ партій крестьянами. Одинъ изъ подписавшихся, свящ. Цвѣтковъ, сдѣлалъ при этомъ такое заявленіе. Крестьяне села Каменки говорили своему священнику:

„мы запретимъ вамъ, батюшка, вносить церковныя суммы въ синодъ, нанимать на наши деньги церковныхъ сторожей. Пусть содержать ихъ на церковный счетъ. Съ новаго года мы не будемъ платить за требы. Священниковъ отъ начальства намъ теперь не надо. У насъ будутъ теперь свои, выборные. Васъ, батюшка, мы выберемъ“. На вопросъ священника, кто же будетъ ставить имъ новыхъ священниковъ, крестьяне отвѣтили: епископъ“.—Да гдѣ же вы найдете столько епископовъ, спрашиваетъ священникъ. „Да зачѣмъ намъ ихъ много; намъ довольно одного“, былъ отвѣтъ. Въ заключеніе крестьяне обратились къ священнику съ просьбой—благословить рубить чужой лѣсъ. „Скажите, отцы, закончилъ свою рѣчь свящ. Цвѣтковъ, что намъ дѣлать? Помогите намъ!“ Много хорошихъ мыслей было высказано по поводу этого заявленія. Но вопросъ и остался вопросомъ, зловѣщимъ вопросомъ. Кто же придетъ теперь на помощь нашему бѣдному сельскому духовенству, хоть и не безгрѣшному, но и непрерывно искупающему свой грѣхъ? Скажите же, не преступленіе ли отказывать ему теперь въ епархіальномъ сѣздѣ, этомъ единственномъ для него пути для разрѣшенія всѣхъ грозныхъ вопросовъ, такъ неожиданно представшихъ предъ нимъ?

Грозное предостереженіе духовенству.

Никто конечно не сочтетъ крестьянскій сѣздъ, состоявшійся текущимъ мѣсяцемъ въ Москвѣ, за выраженіе общекрестьянскаго движенія. Можетъ быть многія идеи, высказанныя на немъ, и гнѣздятся гдѣ-нибудь въ глубинахъ крестьянской души, но сознательныя намѣренія народной массы далеки еще отъ рѣшительныхъ и опредѣленныхъ требованій такъ называемаго крестьянскаго сѣзда. Тѣмъ не менѣе было бы непростительною наивностью совершенно игнорировать его значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что взгляды сѣзда будутъ энергично распространяться среди народа и, если не будутъ поняты и приняты цѣликомъ, то въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ несомнѣнно привлекутъ къ себѣ крестьянскія симпатіи. На крестьянскій сѣздъ слѣдуетъ смотрѣть поэтому, какъ на сѣздъ будущаго, какъ на своего рода пророчество.

Мы думаемъ, что и наше духовенство сдѣлало бы боль-

шую ошибку, еслибы не прислушалось къ тому, что говорилось и о немъ на этомъ съѣздѣ. Оно услышало бы здѣсь суровый судъ надъ собою. „Попъ“ и противникъ свободы значить на языкѣ обвинителей почти одно и тоже. „Попы“ были всегда противъ народной воли, всегда стояли на сторонѣ полиціи, не хотѣли читать манифеста 17 октября, отыскивали повсюду крамолу, возбуждали толпу на борцовъ за свободу и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, „попы“ стоятъ поперекъ дороги къ самымъ завѣтнымъ идеаламъ, къ идеаламъ свободы и равенства. Что же слѣдуетъ отсюда? „Просвященниковъ, говорилъ харьковскій делегатъ, я скажу словами Спасителя: древо, не приносящее плода, нужно извергнуть. Нужно такъ: если ты скривишь, то вотъ тебѣ что— (жестъ казни). Сѣкира при корнѣ—вотъ присяга“. Въ этихъ словахъ слышится не одна пустая угроза, но грозное предостереженіе. Придетъ время, можетъ быть и скоро, когда народъ пойметъ наконецъ свободу, полюбитъ ее и объявитъ за смертныхъ враговъ своихъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ и будетъ не за нее. Сознанная свобода не потерпитъ на своемъ пути никакихъ препятствій, она снесетъ все, что будетъ для нея помѣхой. Она можетъ забыть на время даже собственные свои завѣты, если видитъ неодолимые преграды. Яркій примѣръ тому у насъ предъ глазами. Это борьба французскаго республиканскаго правительства съ католическимъ клерикализмомъ, борьба, почти уже закончившаяся полной побѣдой правительства. На эту борьбу любятъ указывать пальцемъ и наши реакціонеры въ рясахъ, но они или не понимаютъ, или искажаютъ ея смыслъ.

Французское духовенство въ теченіе всего времени существованія республики являлось врагомъ республиканскаго строя и постояннымъ союзникомъ всякой реакціи, всякаго покушенія противъ республиканской формы правленія. „Духовныя лица, при томъ самыя высокопоставленныя, сносились и съ роялистами, и съ бонапартистами, и съ приверженцами генерала Буланже... Словомъ во всѣхъ осложненіяхъ и несчастіяхъ клерикалы видѣли благопріятную почву для агитаціи противъ республики. Ихъ огромное вліяніе среди невѣжественной крестьянской массы дѣлало ихъ особенно опасными, а благодаря тому, что школа была въ ихъ рукахъ, они прочно вѣдряли также въ аристократическое

и буржуазное юношество свои излюбленныя тенденціи“ (Тарле). Особенно энергично дѣйствовало французское духовенство въ эпоху дрейфусовскаго дѣла, выступая обыкновенно подъ знаменемъ патріотизма и націонализма. Монахи прямо призывали къ насиліямъ и междоусобной войнѣ. Доминиканецъ отецъ Дидонъ говорилъ напримѣръ въ публичной рѣчи въ училищѣ Альберта Великаго: „слѣдуетъ - ли злонамѣреннымъ предоставить свободу идти своимъ путемъ? Конечно нѣтъ. Когда убѣжденіе не привело къ результатамъ, когда любовь оказалась безсильною, слѣдуетъ вооружиться принудительною силою, нужно потрясать мечемъ, устрашать, свирѣпствовать, разить; нужно призвать правосудіе. Употребленіе силы въ данномъ случаѣ не только дозволено и законно, оно обязательно; и сила, такимъ путемъ употребленная, уже не есть одно только грубое могущество. Она дѣлается благодѣтельною и святою энергіею“. Тогда то республиканцы самыхъ равнообразныхъ оттѣнковъ узнали наконецъ своего общаго врага и всею силою обрушились на „черную армію“. Министръ Комбъ въ своей программной рѣчи 12 іюня 1902 года говорилъ палатѣ депутатовъ: „милостивые государи, пока врагъ будетъ стоять предъ нами, лицомъ къ лицу съ нами, пока мы не вышибемъ изъ рукъ его того оружія, которымъ онъ располагаетъ, республикѣ, какъ и въ прошломъ, будетъ грозить опасность отъ непрерывныхъ агитацій“. Результатомъ этого было такъ называемое „религіозное преслѣдованіе“ въ 1902 и 1903 годахъ, когда на основаніи закона 1 іюля 1901 года насильственно, иногда съ помощью полиціи и вооруженной силы, были закрываемы католическія духовныя конгрегаціи съ ихъ школами. Результатомъ этого былъ и законопроектъ 2 іюля 1905 года объ уничтоженіи заключеннаго между Піемъ VII и Бонапартомъ конкордата, предоставлявшаго извѣстныя преимущества католической церкви, какъ церкви, къ которой принадлежитъ большинство французскихъ гражданъ.

Нужно ли напоминать намъ, что и наше духовенство, особенно верховное, тоже было на сторонѣ реакціи, что и у насъ были свои Дидоны?

Мы впрочемъ не думаемъ, чтобы у насъ могло повториться теперь или въ ближайшемъ будущемъ именно то, что происходило въ послѣдніе годы во Франціи. Нашъ крестьянинъ

слишкомъ набоженъ, слишкомъ привязанъ къ храму и обрядамъ, чтобы дѣйствовать столь радикально. Какъ онъ ни бранить „поповъ“, безъ „поповъ“ ему не обойтись; они всегда будутъ нужны ему. Но вотъ въ чемъ опасность для наличнаго духовенства. Крестьяне могутъ отказаться отъ прежнихъ священниковъ, ставленниковъ „начальства“, и найти себѣ новыхъ, по своему вкусу, хотя бы изъ народныхъ учителей. На крестьянскомъ съѣздѣ докладчикъ Сталь говорилъ: „все духовенство должно быть выборнымъ. Духовенство развращаетъ крестьянъ на толкованіи христіанства. Мы не вводимъ въ программу безвѣрія; но должны ввести требованіе, чтобы духовенство не назначалось. Тогда среди нашихъ делегатовъ будетъ много священниковъ, а нынѣшніе священники останутся за штатомъ“ (*Русск. Слово* 11 ноября). Отголоски этихъ рѣчей мы уже слышали въ заявленіи свящ. Цвѣткова.

На эти рѣчи наше духовенство, особенно сельское, должно обратить серьезное вниманіе. Свои угрозы крестьяне безъ особеннаго труда могутъ привести въ исполненіе. Средства бороться съ ними у нашего духовенства нѣтъ никакихъ. У крестьянъ же, кромѣ могучаго оружія—лишенія содержанія, есть еще болѣе тонкое, но столь же дѣйствительное средство, къ которому они иногда прибѣгаютъ, когда хотятъ добиться чего-нибудь отъ епископа. И пусть духовенство не рассчитываетъ на помощь іерархіи, а тѣмъ болѣе свѣтской власти. Оно будетъ предоставлено, вѣроятно, самому себѣ. Вотъ почему ему слѣдуетъ теперь же, пока не поздно, подумать о серьезности своего положенія и поискать выходовъ изъ него.

По нашему мнѣнію, единственный выходъ для нашего духовенства это—пріобщиться къ интересамъ крестьянъ и выступить, насколько то допускаетъ и требуетъ пастырскій долгъ, на защиту ихъ политической и особенно социальной свободы.

В. Мышцынъ.

26 Ноября.
